

на ходатайство стороны защиты о применении залога и представленные доказательства, подтверждающие серьезное заболевание обвиняемой. Возникает вопрос: кто должен нести ответственность за незаконное и необоснованное применение меры пресечения, если эта мера применяется только на основании судебного решения? Тем более что в данном случае, судебное решение о продлении заключения под стражу постановлено при отсутствии возражений на применение залога со стороны прокурора и следователя. Несмотря на указанные обстоятельства следователь уволен, в отношении него возбуждено уголовное дело, которое затем прекращено за отсутствием состава преступления. Судья же, принявшая решение о продлении срока заключения под стражу и отказавшая в применении залога, избежала ответственности, подав в отставку «по семейным обстоятельствам», но уже после того, как ее решение было отменено вышестоящей судебной инстанцией [5].

В уголовно-процессуальной науке выделяется еще один вид юридической ответственности, применяемой к должностным лицам, ведущим производство по уголовному делу, в том числе и к следователям. Речь идет об уголовно-процессуальной ответственности, санкции которой по мнению отдельных ученых, предусмотрены нормами уголовно-процессуального законодательства и обеспечивают достижение целей судопроизводства. Например, по мнению В.В. Бородинова, судья, приговор которого «забракован» вышестоящей инстанцией, не может не испытывать чувства ущемленности собственного достоинства, и в этом высокая мера его уголовно-процессуальной ответственности [6]. Следуя такой логике следует признать мерой ответственности негативные эмоции следователя при отмене руководителем следственного органа его решений. Допуская такие рассуждения, мы забываем общетеоретические положения, предопределяющие смысл и содержание любого вида юридической ответственности, в том числе и уголовно-процессуальной. Юридическая ответственность не может быть умозрительной, надуманной, связанной с личностными психическими переживаниями лица. Юридическая ответственность есть реальное наказание, применяемое к лицу за совершение им деяния, запрещенного законом.

Таким образом, рассматривая юридическую ответственность должностных лиц органов предварительного следствия за ненадлежащее исполнение процессуальных полномочий, следует говорить о двух видах юридической ответственности – уголовной и дисциплинарной, каждый из которых имеет собственное отраслевое регулирование, не связан непосредственно с уголовно-процессуальным законодательством, но в полной мере обеспечивает охрану и защиту процессуальных отношений от неправомерных действий лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинина С.И. О теории государственного принуждения // Право и политика. № 4 (124), 2010, с.708-717
2. Мартышкин В.Н. Компетентность судьи – как гарантия эффективной защиты личности // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом. П/р Н.А. Колоколова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. -543с., С.42
3. Приказ Председателя Следственного комитета РФ № 10 от 15.01.2011 «Об организации работы в Следственном комитете Российской Федерации по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы», Приказ № 130 от 11.08.2011 «Об организации работы в Следственном комитете Российской Федерации по расследованию преступлений, имеющих признаки серийности», Указание № 3/224 от 25.03.2011 «О дополнительных мерах по усилению процессуального контроля в досудебном производстве» и т.д.
4. Никто не взял на себя ответственность и, в итоге, человек умер / Председатель правления МОО «Справедливость» Андрей Столбун о причинах гибели в СИЗО Веры Трифоновой // http://slon.ru/russia/nikto_ne_vzyal_na_sebya_otvetstvennost_i_v_itoge-366748.xhtml
5. Продление ареста Трифоновой признано незаконным. –Московский комсомолец. 12 мая 2010 года; Против следователя, который вел дело Веры Трифоновой, возбуждено уголовное дело по статье «халатность» / Сайт Новости NEWSru.com в России / <http://www.newsru.com/russia/04may2010/trifonova.html>
6. Бородинов В.В. Обеспечение правосудности вышестоящим судом. Монография. М., 2005. –с.27

TO THE QUESTION OF LEGAL LIABILITY OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

© 2014

*A.V. Oskin, Deputy Head of the Investigative Department, Colonel of Justice
Investigative Committee of the Russian Federation on the Samara region, Samara (Russia)*

Annotation: The article examines the legal liability of the preliminary investigation, on an example of the investigator and head of the investigative authority for the improper performance of their procedural powers. Article substantiates a conclusion about the usefulness as such two kinds of legal liability - criminal and disciplinary.

Keywords: bodies of preliminary investigation, investigator, the head of the investigative body, legal liability, Criminal liability, criminal liability.

УДК 340.113

О ПОНИМАНИИ ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© 2014

*М.Н. Петренко, соискатель
Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
Самара (Россия)*

Аннотация: Обеспечение реализации лицом своих прав, свобод и законных интересов в публичных правоотношениях требуют четкого понимания содержания применяемых законодателем терминов. Последнее приобретает особую значимость в вопросах, связанных с вмешательством в сферу прав и законных интересов человека.

Ключевые слова: принуждение, власть, насилие, признаки принуждения.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации [1] многонациональный народ Российской Федерации, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, утверждая незыблемость ее демократической основы, установил, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина возложена на государство.

Вместе с тем, принятая обязанность не сможет быть реализованной при неопределённости содержания как категории прав и свобод человека, подлежащих соблюдению и защите, так и категорий, характеризующих вмешательство в указанную сферу. К последним, полагаем, следует отнести категорию принуждения.

В науке понятие принуждения бесспорно следует отнести к числу дискуссионных, причём указанное положение отнюдь не является продуктом современных исследований.

Так, Г.В.Ф. Гегель в работе «Философия права» понимает под принуждением подчинение внешней стороны человека власти других [2, 141-142].

Исследователем и философом Ф. А. Хайеком в труде «Конституция свободы» принуждение определяется как управление окружением, жизненными обстоятельствами индивида так, чтобы он был вынужден действовать по служащему целям другого плану [3, с.20-22,133].

А.С. Пучининым в своём диссертационном исследовании «Принуждение и право» принуждения определяет как реакцию воли и деятельности человека в результате понуждения, то есть результат снятия воли [4, с.67]. И.П. Жаренов в своей работе «Государственное принуждение в условиях демократизации общества» указывает, что сущность принуждения состоит в воздействии на волю подвластного субъекта с целью её изменения и ориентации на социально необходимое поведение [5, с.9].

По результатам проведённого М.А. Латушкиным исследования на тему обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения утверждает, что сущность социального принуждения следует определять как организацию безусловного выполнения властной принуждающей воли, а содержанием феномена следует считать внешнее волевое воздействие субъекта на объект посредством применения или угрозы применения насилия для осуществления интересов принуждающего [6, с.14; 7, с.192].

Из вышеуказанных примеров следует, что сколь угодно единообразное понимание принуждения в настоящий момент отсутствует: исследователями, в связи с нетождественностью используемых парадигм, выделяются различные признаки феномена, которые, зачастую, противоречат друг-другу.

Очевидно, что отсутствие единообразия в понимании принуждения среди исследователей и учёных не могло положительно сказаться на качестве продуктов нормотворчества, на что нами и предлагается обратить внимание.

Поскольку одной из наиболее значимых точек соприкосновения человека и государства являются взаимоотношения, складывающиеся в связи с преступлением в ситуации, когда человеку противостоит государственный механизм, полагаем верным проанализировать понимание принуждения именно в уголовном законодательстве.

В основном нормативно-правовом акте Российской Федерации, регулирующим отношения в сфере уголовно-материального законодательства – Уголовном кодексе Российской Федерации [8] (далее - УК РФ) термин «принуждение» упоминается многократно: в Общей и Особенной частях. Причём в рамках уголовного закона принуждение обоснованно дифференцируется исследователями на две группы – правомерное и неправомерное [9, с.20-22].

Начать анализ считаем уместным с выявления участников принудительного воздействия в понимании законодателя.

В соответствии со ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом. Указанный подход содержится также в ст.ст. 11-13 УК РФ.

Таким образом, объектом принудительного воздействия (принуждаемым) является физическое лицо, обладающее свойствами вменяемости и необходимого возраста. Указанный тезис верен как при правовом принуждении, так и при неправомом принуждении, поскольку в понимании уголовно-правового закона России принудить могут лишь физическое лицо (п. «е» ч.1 ст. 61 УК РФ).

Вторым необходимым участником принуждения в рамках принудительного воздействия является субъект воздействия (принуждающий).

Частью 1 ст. 43 УК РФ устанавливается, что к мерам государственного принуждения относится наказание, назначаемое по приговору суда. Указанная норма, в совокупности с положением ч.1 ст. 11 и главой 7 Конституции Российской Федерации [1], устанавливающих положение, согласно которому государственную власть в Российской Федерации осуществляют, в том числе суды Российской Федерации, позволяет считать субъектом правового принуждения государство.

Вместе с тем, поскольку феномен государства, как лица, в известной мере является юридической фикцией, последнее выступает в правоотношениях в лице уполномоченных органов.

Субъектом неправомерного принуждения, с учётом ранее означенного положения ст. 19 УК РФ, считаем является физическое лицо, поскольку в понимании уголовного закона принудить не только могут, но и может лишь физическое лицо (п. «к» ч.1 ст. 63 УК РФ, ч.1 ст.302 УК РФ, п.«а» ч.2 ст. 141 УК РФ).

Говоря о целях принуждения следует заметить, что в силу ч.2 ст. 43 УК РФ целью наказания, являющегося видом правового принуждения, является восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение совершения новых преступлений. Статьёй 98 УК РФ установлено, что целью применения принудительных мер медицинского характера является излечение лиц или улучшение их состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, имеющих признаки уголовно-наказуемых.

Вместе с тем, указанные положения детализирует общую, закреплённую ст. 2 УК РФ норму, согласно которой задачами УК РФ следует считать охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, в том числе восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, а также предупреждение преступлений

Таким образом, с учётом положений ст. ст. 21, 22, ч.2 ст. 87 УК РФ, полагаем уместным считать, что целями правового принуждения являются общие задачи уголовного законодательства, включающие в себя частные цели такой сферы уголовного права как наказание.

Вопрос целей неправомерного принуждения законодателем специально не обозначается, в связи с чем у нас отсутствуют основания включения какой бы то ни было цели неправомерного принуждения в формируемую нами дефиницию в понимании законодателя.

Далее предлагаем проанализировать вопрос содержательной стороны принуждения в понимании

уголовного законодательства.

В силу ч.1 ст. 43 УК РФ такая мера государственного принуждения, как наказание, заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод лица.

Согласно ч.2 ст. 90 и ст. 91 УК РФ к несовершеннолетнему могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия.

Как указывалось ранее, к третьему виду правовых принудительных мер в УК РФ отнесены такие иные меры уголовно-правового характера, как принудительные меры медицинского характера.

К ним, согласно ч.1 ст. 99 УК РФ отнесено амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа, принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа, принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Не вдаваясь в особенности осуществления конкретных принудительных мер медицинского характера, выходящих за сферу исследования, отметим, что с учётом терминологии законодателя содержанием указанной принудительной меры является лечение и медицинское наблюдение лица.

Следовательно к содержанию легального принуждения, в зависимости от вида, может являться лишение или ограничение прав и свобод лица, воспитательное воздействие, лечение и медицинское наблюдение лица.

Несмотря на то, что само по себе воспитательное воздействие и лечение и медицинское наблюдение не ограничивает права и свободы лица, они, тем не менее, отнесены к принудительным и назначаемым по решению суда и в этом смысле указанные мероприятия при самой минимальной интенсивности ограничивают конституционное право на свободу перемещения.

Из сказанного следует, что содержанием правомерного принуждения в понимании УК РФ является ограничение прав и свобод вплоть до их лишения.

Содержание неправомерного принуждения в УК РФ не столь очевидно как правомерное, что в значительной мере связано с тем, что законодатель ограничивается лишь указанием на него и соотносением принуждения с такими феноменами, как насилие, угроза насилия и других.

Так, п. «е» ч.1 ст. 61 УК РФ помимо дифференциации принуждения на физическое и психическое говорится о таких равнозначных, но не тождественных принуждению понятиях, как материальная, служебная или иная зависимость. Пунктом «к» ч.1 ст. 63 УК РФ к равнозначным понятиям законодателем отнесено совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, и иных подобных предметов и веществ.

Частью 2 ст. 141 УК РФ к вышеуказанному ряду добавлен подкуп, обман, применение насилия или угроз его применения, а ч. 2 ст. 142 УК РФ - уничтожение имущества, угроза уничтожения имущества.

Таким образом законодатель позволяет считать, что неправомерное принуждение не является означенными выше феноменами.

Продолжая анализ, обратим внимание на тот факт, что ст. 149 УК РФ устанавливается ответственность за принуждение к участию в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях если эти деяния совершены с применением насилия или с угрозой его применения.

Частью 1 ст. 179 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого

имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

Указанное позволяет утверждать, что принуждение в ряде случаев включает в себя иные, не тождественные феномены, как например насилие, угроза насилия, повреждение имущества и другие, что в совокупности с ранее изложенными выводами о дифференцированности принуждения и смежных категорий свидетельствует о противоречивости представлений законодателя о содержательной стороне принуждения.

Следующим критерием анализа феномена считаем уместным использовать отношение объекта к применяемому к нему принуждению.

Как и ранее, начнём анализ с мер правомерного принуждения.

Говоря о правомерном принуждении следует отметить, что согласно ст.44 УК РФ законодатель выделяет 13 видов уголовных наказаний: от штрафа до пожизненного лишения свободы. Причём в регламентации ряда наказаний имеются нормы, свидетельствующие о наличии у принуждаемого лица альтернативы в поведении, способной повлечь изменения юридически значимых обстоятельств (п.5 ст. 46 УК РФ).

Аналогичный подход содержится в п.3 ст. 49 УК РФ (обязательные работы), п. 4 ст. 50 УК РФ (исправительные работы), п.5 ст. 53 УК РФ (ограничение свободы), п.6 ст. 53.1 УК РФ (принудительные работы).

Схожий подход содержится в ст. 79 УК РФ, говорящей об условно-досрочном освобождении лиц при применении к ним таких видов наказаний как содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы, лишение свободы, пожизненное лишение свободы в случае, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбытии назначенного судом наказания, так же в ст. 80 УК РФ, говорящей о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания для лиц, которым назначены такие его виды, как содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы.

Таким образом, в двух третьих из указанных законодателем наказаний имеется возможность выбора у привлечённого к ответственности лица – согласен ли он отбыть назначенное наказание либо не согласен. В случае если он согласен и это конклюдентно подтверждается лицом – кара может смягчиться вплоть до полного нивелирования, в случае же если лицо не согласен – кара ужесточается.

Вместе с тем, ни первое не второе не отменяет существования у лица возможности выбора. Лицо подвергается принудительному воздействию в указанных случаях лишь при наличии его воли на это, то есть, иными словами – его согласия на принуждение.

Похожим образом обстоит дело с принудительными мерами воспитательного воздействия и медицинского характера. Так, в соответствии с п.4 ст.90 УК РФ в случае систематического, неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия означенная мера отменяется и материалы направляются для привлечения к уголовной ответственности.

Особым случаем является применение принудительных мер медицинского характера.

Специфика его заключается в том, что лицо, в отношении которого решается вопрос о применении принудительной меры медицинского характера изначально может не обладать вменяемостью, а, следовательно, в понимании ст. 19 УК РФ, не быть лицом в уголовно-правовом понимании.

Таким образом, лица, совершившие преступления в состоянии невменяемости, а так же лица, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение

или исполнение наказания не обладают волей и в этом смысле не могут обладать возможностью выбора.

Что же касается лиц, обладающих расстройством, не исключая вменяемость, то в отношении них решается вопрос о наказании по общим правилам исходя из «лестницы наказаний», закреплённых в ст. 44 УК РФ.

Таким образом, несмотря на то, что в абсолютном большинстве случаев правомерного принуждения у осуждённого лица имеется альтернатива, но она имеет быть не всегда. Последнее означает, что внесение признака альтернативности при принуждении лица в дефиницию правомерного принуждения будет безосновательным.

Вопрос же отношения объекта к применяемому к нему неправомерному принуждению в УК РФ не прослеживается по ранее указанным обстоятельствам.

Завершая анализ, отметим также, что основным и наиболее явным признаком принуждения, позволяющим отграничить правомерное принуждение от неправомерного является правовая регламентированность: очевидно, что правомерное принуждение обладает регламентированностью, а неправомерное таковой не обладает.

Таким образом, в рамках уголовного законодательства принуждение, понимаемое как правомерное, характеризуется такими чертами, как:

Во-первых, объектом принуждения - физическое лицо.

Во-вторых, субъектом принуждения - государство (в лице уполномоченных органов).

В-третьих, целью принуждения является охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, в том числе восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, а также предупреждение преступлений.

В-четвёртых, принуждение подразделяется на наказание, принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия.

В-пятых, основанием принуждения является законодательство.

В-шестых, содержанием принуждения является ограничение прав и свобод.

Следовательно правомерное принуждение в понимании, используемом УК РФ, может быть определено как нормативно-определённое воздействие государства на физическое лицо с целью охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, в том числе восстановление социальной справедливости,

исправление осуждённого, а также предупреждение преступлений и заключающейся в ограничении или лишении прав и свобод лица.

Вопросы видов правомерного принуждения нами опущены в связи с тем, что они не освещают сущность феномена, что, вместе с тем, не умаляет их значения для последующих исследований.

Принуждение, понимаемое как неправомерное, характеризуется законодателем такими чертами как:

Во-первых, объектом принуждения - физическое лицо.

Во-вторых, субъектом принуждения - физическое лицо.

В-третьих, принуждение противозаконно.

В-четвёртых, принуждение подразделяется на физическое и психическое.

При указанных обстоятельствах полагаем невозможным дефинирование неправомерного принуждения в понимании законодателя в рамках УК РФ.

Предлагаемые нами выводы, полагаем, верны для уголовно-материального права. Вместе с тем, говоря о криминально-правовом законодательстве не следует забывать процессуальную сферу, анализ которой нам видится не менее значимым, а, следовательно, требующим отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990.
3. Hayek F.A. The Constitution of Liberty - Chicago: University of Chicago Press, 1960.
4. Пучинин А.С. Принуждение и право: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук - Тамбов, 1999.
5. Жаренов И.П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2006.
6. Латушкин М.А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект): Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. - Саратов, 2011.
7. Латушкин М.А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения // Ленинградский юридический журнал, 2010, № 2.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации, принят Государственной Думой Российской Федерации 24.05.1996 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Куманьева Е.А. Принуждение в уголовном праве России: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук - М., 2012.

COERCION WITHIN THE MEANING OF CRIMINAL LAW

© 2014

M.N. Petrenko, external doctorate student

Samara legal institute of Russian Federal service of execution punishments, Samara (Russia)

Annotation: Possibility of a natural person to exercise his rights, freedoms and lawful interests in public legal relationship requires clear understanding of the terms used by the legislator. The latter acquires especial significance in the issues connected to intrusion into the rights and lawful interests of a person.

Keywords: coercion, power, violence, coercion signs, compulsion.